КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

НАПРАСЛИНА

Давно, когда–то, говорятъ, жилъ баринъ въ деревенькѣ своей, какъ водится, а еще болѣе какъ водилось, съ огромной дворней. Дворня эта съѣдала его совсѣмъ, да дѣлать было нечего — дѣвать ее некуда: не сгонишь. Она досталась ему въ наслѣдство съ четырехсотъ душъ, распавшихся на шесть или на семь частей, по числу наслѣдниковъ. Онъ былъ очень недоволенъ раздѣломъ: ему достались плохенькіе мужички и разбойникъ на разбойникѣ изъ дворовыхъ. Пытался было онъ и переводить ихъ на пашню и отпускать на оброкъ, да какъ–то не ладилось и это: дармоѣды все опять сбивались въ кучу въ огромной застольной, выстроенной когда–то на сто человѣкъ дворни, малыхъ и великихъ, съ русскою печью величиною въ скирду сѣна. Все это сердило нашего помѣщика, выводило его изъ терпѣнія, и, правду сказать, жолчь у него частенько чрезъ мѣру

разливалась. Онъ привыкъ, по стародавнему обычаю, къ короткой расправѣ и, къ сожалѣнію, не зналъ въ ней мѣры и не умѣлъ безъ нея управиться.

Въ домѣ былъ кучеръ, уже въ лѣтахъ, съ тремя сыновьями. Этотъ кучеръ, пользуясь старшинствомъ своимъ, какъ бывшій кучеръ стараго барина, а равно и дурною славою своею, которая говорила, что онъ–де у барина отъ рукъ отбился, бунтовалъ и подымалъ всю дворню, молодцуя нахальствомъ своимъ и нерѣдко угрозами такого рода, которыя доставляли ему полное уваженіе всей застольной братіи. Онъ, и пьяный и трезвый, всегда толковалъ о томъ только, что баринъ этотъ никуда не годится и что ему не сдобровать.

Младшій сынъ кучера, мальчикъ, слабый здоровьемъ и испорченный такимъ отцомъ съ самаго корня, однажды провинился. Баринъ былъ очень сердитъ и наказалъ его, выместивъ при этомъ случаѣ, можетъ быть, на сынѣ и отцовскіе успѣхи. Дѣло было не новое, и никто много объ этомъ не заботился, кромѣ отца, кучера, который, продумавъ до вечера, выдумалъ неслыханное и невиданное доселѣ средство,

чтобы показать, или утолить — не знаю, какъ и выразиться — свою родительскую любовь: онъ позвалъ надежныхъ помощниковъ и подручниковъ своихъ, двухъ старшихъ сыновей, и сказалъ имъ: «пойдемте–ка, ребята, да задушимъ Ѳедьку — то есть младшаго сына — что ужь, пусть пропадаетъ, все одно; онъ же мальчикъ хилый, жалѣтъ его нечего — вы двое у меня останетесь. А задушивъ его, въ городъ, да и донесемъ, что засѣкъ его баринъ: вотъ мы ему и всучимъ такую щетинку, что онъ вовѣкъ не раздѣлается.»

Насталъ вечеръ. Видно, старшіе сыновья нашли предложеніе отца очень дѣльнымъ. Всѣ трое выждали время послѣ ужина, когда никого въ избѣ не было, и порѣшили Ѳедьку.... А сдѣлавъ дѣло, подняли всю дворню, всю деревню, которая ждала только случая, чтобы гласно обнаружить расположеніе свое къ помѣщику, и поскакали въ городъ. Судъ тотчасъ же наѣхалъ. Улика на лицо и такъ ясна, что не въ чемъ сомнѣваться. Барина увезли, продержали нѣсколько мѣсяцевъ, судили и сослали.

Конечно, барина нѣтъ. Никто доселѣ не зналъ правды, кромѣ кучера и двухъ сыновей его. Всѣ они трое верховодили теперь, когда имѣніе попало подъ опеку, пуще прежняго и пили безъ просыпу; но никто изъ нихъ, даже пьяный, не проговаривался, не смѣя похвалиться поступкомъ своимъ, какъ водится въ другихъ случахъ, даже и передъ своими братьями: дѣло, конечно, выходило изъ ряду вонъ. Злодѣйству этому едва ли можно найти прлтивень.

Настала лѣтняя пора, когда все идетъ на работу, кромѣ малыхъ и старыхъ, когда и лѣнивому не посидится дома и пьяницѣ скучно и стыдно одному на деревнѣ. Дворъ нашего сосланнаго помѣщика былъ такъ же пустъ, какъ и вся деревня. Одинъ изъ зажиточныхъ крестьянъ сдѣлалъ у себя для покосу помочь, купивъ ведра два вина, и, кто только могъ держать въ рукахъ косу, всѣ были тамъ.

На порогѣ крыльца знакомой намъ застольной сидѣла одна–одинехонька дѣвочка лѣтъ семи. Она жевала покинутый ей огромный сукрой хлѣба и кормила куръ и цыплятъ, покрывавшихъ всѣ ступени

крыльца. Все было тихо. На улицахъ послышался стукъ телѣги, которая остановилась у воротъ; а здоровый мужикъ, въ круглой шляпѣ съ высокой тульей и пережабиной на ней, вошелъ на дворъ, оглянулся и подошелъ прямо къ дѣвочкѣ. Это былъ коробейникъ, разнощикъ, который уже нѣсколько лѣтъ сряду заѣзжалъ на перепутьи въ эту деревню и приставалъ на барскомъ дворѣ у старой ключницы, съ которой у него было давнишнее знакомство и которой внучка теперь сидѣла на порогѣ.

— Здорово, Анютка! сказалъ онъ, подходя къ ней: — здорово! Что у васъ никого не видать?

— Да на покосѣ.

— А бабушка гдѣ?

— И бабушка на покосѣ, и ее подчивать станутъ виномъ.

— А, вотъ какъ! Ну, что жь у васъ дѣлается? Всѣ здоровы?

— Здоровы.

— А что жь у васъ въ барской усадьбѣ ставни–то закрыты?

— Да барина нѣтъ, вишь, давно.

— А гдѣ жь онъ?

— Въ городъ взяли.

— Какъ взяли? зачѣмъ?

— Да дѣдушка Андрей (т. е. кучеръ) задавилъ, вишь, дядю Ѳедора — ужь тотъ молился, молился имъ — вотъ и задавилъ.

Коробейникъ, глядя на ребенка, хотѣлъ было разсмѣяться на эту болтовню, однако, спросилъ прежде:

— Да гдѣ же дядя Ѳедоръ?

— Померъ, къ Богу ушелъ, унесли, отвѣчалъ ребенокъ.

Все это показалось коробейнику очень дико и несвязно, а, между тѣмъ, онъ зналъ, что ребенокъ этотъ неглупъ и всего этого самъ не придумаетъ. Пріѣзжій сталъ его распрашивать, отъ нечего дѣлать, и дѣвочка разсказала, что я–де сидѣла на печи въ застольной, а дядя Ѳедоръ лежалъ на лавкѣ, а дѣдушка Андрей пришелъ съ Иваномъ и Кирилой (т. е. со старшими сыновьями), а дѣдушка Андрей и насѣлъ на дядю Ѳедора, и всѣ они налегли. Ужь дядя Ѳедоръ молился имъ, молился, — нѣтъ! задавили; а я испугалась, да молчу все, да такъ на печи до утра и просидѣла. Вотъ и померъ дядя Ѳедоръ.... А барина за это взяли въ судъ, да вотъ и нѣтъ его.

Коробейнику какъ–то стало страшно. Не добившись толку, но зная, что дѣдушка Андрей былъ истинный разбойникъ, онъ почуялъ недоброе — снялъ шляпу, перекрестился, не велѣлъ дѣвочкѣ никому сказывать, что онъ былъ, и поѣхалъ прямо дальше, въ городъ, до котораго всего было верстъ десятокъ.

Въ городѣ у разнощика былъ издавна знакомый дворникъ, или содержатель постоялаго двора. Приставъ у него, онъ вечеромъ присѣлъ съ нимъ на особицу и сталъ распрашивать, что такое сдѣлалось въ такой–то деревнѣ. Хозяинъ разсказалъ ему, что помѣщика за то и то сослали. Тогда разнощикъ понялъ все и ужаснулся. Въ страхѣ онъ пересказалъ слышанное отъ дѣвочки хозяину и просилъ его объ этомъ не говорить. Но хозяинъ былъ умнѣе своего постояльца и вскочилъ съ лавки, когда все это услышалъ.

— Избави Богъ! сказалъ онъ: — что ты со мною дѣлаешь?... Да я тебя и держать не стану ни одного часу: я такой бѣды съ тобой наживу, что и не раздѣлаешься! Нѣтъ, любезный пріятель, власть твоя, продолжалъ онъ, ухвативъ поясъ и

шапку: — а ты иди со мной тотчасъ же къ начальству, да тамъ объявимъ все; а не то, гляди, какая бѣда прикинется!

Нечего дѣлать нашему коробейнику: вздохнувъ тяжело и проклиная судьбу, которая занесла его не въ добрый часъ въ деревушку, онъ пошелъ за хозяиномъ. Съ нихъ сняли допросъ, отправились въ деревню, захватили врасплохъ пьянаго кучера съ сыновьями, дали имъ выспаться, заперши ихъ всѣхъ порознь, и, послѣ продолжительнаго запирательства, одинъ изъ сыновей сбился, тамъ сознался во всемъ, а тамъ уличили и другихъ, отца его и брата.

Помѣщика воротили изъ ссылки, а кучера съ двумя сыновьями отправили на его мѣсто.

В. ДАЛЬ